

ГРЕЧЕСКИЕ ПОЛИОРКЕТИКИ ОБ ИСКУССТВЕ ОСАДЫ ГОРОДОВ

После опубликования в русском переводе трактата о военном деле римляни Вегеция (см. № 1 (10) в настоящем номере предлагается новый материал по специальной области военного дела—по искусству осады городов. Античные писатели, из них главным образом греческие авторы, оставили нам в этой области не мало различных наставлений, инструкций практического свойства о способах изготовления различных механизмов и применения их при осаде городов. В этой специфической области военного дела, известной в древности под именем «полиоркии», выдвинулся ряд теоретиков и практиков, сумевших потом обобщить опыт поколений в своих попытках изложить полиоркию древности.

В исторических условиях рабовладельческих городов-государств полиоркия не могла не иметь соответствующих предпосылок для ее развития, совершенствования и отражения в различных наставлениях. Государство-город греческого мира, укрепление городов Рима, укрепленные пункты варварских городов, с которыми Риму приходилось много сталкиваться на протяжении своей долгой истории,—все это предполагало в военных столкновениях рабовладельческих государств не только особую стратегию и тактику военных действий, но и своеобразную технику, и в частности технику осады этих укрепленных пунктов. Так как взятие укрепленных пунктов, обычно стальных сооружений городов, имело для исхода военной операции решающее значение, то, естественно, военная мысль древности немало должна была поработать, чтобы не только поднять технику осады городов, разрушения стен и башен, но и в известной степени создать новую науку, особую область военного дела, которая бы теоретически и практически руководила техническим совершенствованием всех дотоле известных способов осады городов, всех приемов, связанных с применением технических и механических приспособлений для взятия укрепленного города или пункта.

Так создавалась античная полиоркия.

По мере того как простая блокада укреплений, возведение валов или так наз. циркумвалляционных линий оказывались совершенно недостаточным способом принудить вражеское укрепление сдаться, в полиоркии начинает создаваться техника штурма укреплений. Следует указать, что прямой, непосредственный штурм городов или укреплений имел место лишь в случае наличия невысоких, ветхих или не слишком крепких стальных сооружений города или же в случае большой предварительной подготовки этого штурма путем проведения мин, подкопов под ту или иную часть сооружения.

И в том и в другом случае штурм проводился следующим образом. Посредством таранов или специальных буравов (*terebrae*), разрыхляющих стены, уничтожаются укрепления. При частичном разрушении стены подставлялись к ней лестницы, чтобы посредством их пробраться через образовавшиеся бреши за стены осажденного города. При этом солдаты пользуются различными прикрытиями для безопасного подхода

к стене, ибо со стен враг посылал тысячи стрел, копий, дротиков, камней или поливал кипятком. Такие прикрытия солдаты образовывали своими щитами, путем соединения их над своими головами, в результате чего получалась сплошная крыша из брони, позволявшая солдатам вплотную подходить к вражеской стене и действовать у нее. Использовались также и деревянные прикрытия в виде навесов, передвигавшихся накатках к тому или иному укреплению.

При наличии сильных укреплений штурм мог быть проведен лишь, как сказано выше, после долгой подготовки. В подготовительных маневрах осадителей (полиоркетов) большую роль играло проведение подкопов под ту или иную часть стен, в силу чего наступало разрушение этой части стены под давлением своей тяжести. Иногда же проникновение за стены осажденного города достигалось проведением мин. Греко-римские писатели немало нам оставили сведений и об этой части полиоркетии. Витрувий в десятой книге своего трактата «Об архитектуре» сообщает нам, какими техническими приемами при этом пользовались древние (см. русск. перев. под ред. А. В. Мишулина. Соцэкгиз, 1936). Позднее Ливий (XXXVIII, 7), Вегетий (IV, 24) и другие описывали сущность этого способа проникновения за стены вражеского города и всех возможных при этом действий и со стороны осаждающих.

Проведение мин от осадной линии, где стояли осаждавшие город, через стену (вернее, под ней) и прямо с выходом в город обеспечивало проникновение врага без всякого штурма стен и совершенно неожиданно для осаждаемых. Однако и с технической и тактической стороны это было весьма серьезным военным маневром. Во-первых, такой маневр требовал большого труда, мобилизации технических ресурсов, и притом он в условиях древности был не менее сложным предприятием, чем проведение какого-нибудь туннеля для метро в настоящее время. Во-вторых, при проведении мин необходимо было знать город, наиболее безопасные места для выхода этих мин. Это тем более требовало тщательного изучения, что в условиях древности уже существовала целая система контрмер, которая могла обнаружить направление мин в черте города. Об этом нам сообщают Витрувий, Ливий, Полибий и частично сами полиоркетники, писавшие свои наставления по полиоркетии. Всю эту сумму препятствий предстояло преодолеть путем постоянного усовершенствования искусства осады городов.

Наконец, в полиоркетии большое место отводится сооружению самых различных механических приспособлений и применению их при осаде городов, штурме укреплений, разрушении и взятии разнообразных препятствий. Сюда относятся тяжелые орудия древности (*tormenta*), приводимые в действие путем перекрученных (*torquere*) веревок или конских волос. Это—главным образом катапульты и баллисты, т. е. самострелы для бросания стрел, зажигательных (смолистых) снарядов, камней и т. д. О технике сооружений этих механизмов весьма подробно сообщают нам различные писатели. Публикуемые греческие полиоркетники особо тщательно описывают размеры, детали, пропорции частей, разнообразные виды этих механизмов и назначение их в искусстве осады городов. При этом ценность этих сведений, несомненно, повышается оттого, что такие поздние авторы, какими были полиоркетники, сумели не только учесть весь предшествующий опыт полиоркетии, изучить все написанное в этой области до них, но и внести свой собственный опыт, поскольку они сами были военными и на практике видели и применяли описываемые ими механические приспособления того времени.

В техническом оснащении греческого войска, главным образом эллинистического периода, и римской армии, как правило, много перенимавшей у греков, немалую роль играли, кроме катапульт и баллист, различные прикрытия, башни, обычно передвижные и с приспособлениями для таранов, катапульт и т. п. Очень популярной в древности была *testudo*—деревянное прикрытия, названное так по сходству с черепахой благодаря медленности передвижения ее накатках. Этот вид «черепах», или деревянных передвигающихся прикрытий (древних «танков»), делился на несколько категорий. Древние авторы сообщают о *testudines arietariae*, т. е. о деревянных черепахах, вмещавших в себя таран, который при подходе черепахи вплотную к стене города мог

безнаказанно совершать работу по ее разрушению. Существовали еще *testudines aggestitiae*—черепахи, прикрывавшие производство насыпей, валов, мин и вмещавшие в себя небольшие отряды людей для производства таких работ. Такого рода черепахи были отличной от первого рода конструкции—несколько ниже, с деревянной обшивкой, вплотную доходившей до земли. Из описаний Витрувия видно, что были громадные черепахи, поражавшие своим размером современников (например, гелепола Эпимаха), в которых помещались и другие приспособления—для метания снарядов (камней, зажигательных стрел), для буравов и т. д. Наконец, среди таких деревянных «танков» древности следует указать и башни, также передвижные, причем в несколько этажей, имевшие своею целью достичь высоты стен осажденного города. Помещавшиеся на башне солдаты в этом случае имели возможность войти в непосредственное соприкосновение с врагом, стоявшим на стене, и начать сражение и переброску отрядов на вражескую стену, а через нее и в город. Конструкции этих башен (*turres ambulatoariae*) были самые различные, и писатели дают разнообразные формы их в своих описаниях.

Всех этих механических конструкций нельзя перечислить в данном случае. Публикуемые материалы греческих полиоркетиков рисуют уже достаточно разнообразную систему применявшихся как наступательных, так и оборонительных механизмов. Задачей нашей науки является доскональное изучение этих материалов для конкретного представления военного искусства античности, его технической базы, маневренной способности механизмов в условиях тогдашнего уровня военного дела рабовладельческих государств.

Для марксистской исторической науки это не может не представлять известного интереса, поскольку вскрытие конкретной картины военного искусства древности с его техникой, стратегией и тактикой, маневренностью тех или иных операций бросает много света и на общество в целом, на исторические условия его развития, таким образом помогает опосредствовать рабовладельческую структуру античных государств со всех сторон.

Публикуемые ниже материалы древних полиоркетиков принадлежат трем греческим авторам: Аполлодору, Афинейо Механику и Анониму Византийскому. Обратимся к краткой характеристике этих авторов.

Из всех этих поздних полиоркетиков Аполлодор выделяется тем, что этого автора в отличие от других мы можем совершенно точно датировать. Поэтому и обзор этих авторов, как и порядок приведения текста их в русском переводе, мы начнем с Аполлодора. Прокопий в трактате «О постройках» (*De aedif.*, IV, 6) утверждает, что Аполлодор происходит из Дамаска и жил в эпоху Траяна—Адриана, т. е. во II в. н. э. Он приобрел большую известность тем, что, по поручению императора Траяна, ему пришлось перекинуть мост через Дунай, очевидно во время похода в Дакию. Будучи строителем моста, находясь в армии Траяна, Аполлодор практически ознакомился как с искусством военного дела, в частности осады городов, так и, в особенности, с техникой, с различными механизмами, их строительством непосредственно в ходе военных операций. Это придает, несомненно, большую ценность его трактату «*Πολιορκητικά*» и всем тем сведениям, которые сообщаются автором в этом трактате.

Сведения о жизни и творчестве архитектора (как он тогда назывался) Аполлодора в период его деятельности при Траяне весьма невелики и отрывочны. Кроме Прокопия, о нем сообщает нам Дион Кассий, который свидетельствует о строительстве Аполлодора при Траяне (о площади, Одеоне и других постройках). Дальнейшая деятельность этого архитектора при преемнике Траяна Адриане имела трагические последствия для Аполлодора. Как сообщает нам тот же Дион Кассий (LXIX, 4, 1), Адриан, известный своим неустойчивым характером, изгнал по какой-то причине впавшего в немилость Аполлодора, а потом и казнил его. Эти мелкие и отрывочные заметки древних писателей (см. также *Spart.*, XIX, 13 в биографии Адриана, *Script. Hist. Aug.*) не дают целостной картины деятельности интересующего нас архитектора, бывшего также специалистом и по полиоркетике, как это и видно из дошедшего его произведения на эту тему. В известной степени пробелы в древней литературе об Аполлодоре могут нам восполнить

остатки тех памятников, которые в свое время были воздвигнуты руками мастера Аполлодора: остатки форума Траяна и у Железных ворот арки дунайского моста. Изучение более детальное и археологических и литературных источников эпохи Траяна и Адриана может еще в некоторой степени восполнить наши сведения об Аполлодоре. В этом отношении работа была начата еще I. Plew, который одну из своих первых работ посвятил изысканию источников эпохи Адриана (Quellen u. Untersuchungen zur Geschichte des Kaisers Hadrians. Strassburg, 1890).

Немногие сведения об Аполлодоре говорят, что последний не ограничивался специально литературной деятельностью. Эта деятельность была самым тесным образом связана с его практической работой. К сожалению, невознаградимой утратой для науки является то обстоятельство, что до нас не дошло описания дунайского моста, главное же—сведений о том, как осуществлялось это строительство Аполлодором. Нам известны только сведения об этом описании по небольшим заметкам древних авторов, из которых многие пользовались этим описанием, заявляя об этом открыто или, наоборот, замалчивая его. Специальным исследованием этого вопроса занимался весьма давно венский ученый Ашбах, который написал интересную работу о траяновом каменном мосте через Дунай, сооруженном Аполлодором. (См. «Ueber Traians steinere Donaubrücke». «Mitteilungen der K. K. Central-Comission zur Erforschung u. Erhaltung der Baudenkmale». Wien, 1858, Augustusheft, стр. 198).

До нас дошло от Аполлодора только второе его сочинение, которое и предлагается в настоящем номере в русском переводе. Трудно установить, в какой мере автор «Πολιορκητικῆς» интересовался технической областью искусства осады городов. Повидимому, как каждый архитектор древности, он должен был быть сведущим и в этой области. Известно, что Витрувий, например, как архитектор служил в арсенале у Цезаря по ремонту баллист и катапульт. И как подробно ни касается Витрувий архитектурных норм при строительстве различных зданий (храмов, театров, терм и т. д.), он в своем трактате не мог обойти полиоркии, и в конце десятой книги своей «Об архитектуре» Витрувий выступает в качестве не только архитектора, но и полиоркетика. Так и Аполлодор, когда был приглашен Адрианом участвовать в дакийском походе, должен был расширить свои познания и практику архитектора и включить в них еще область полиоркии. Можно полагать, что сам Аполлодор, как и Витрувий, мало интересовался этой областью и вынужден был заниматься полиоркетикой под давлением со стороны Траяна, как и Витрувий—со стороны Цезаря. Поэтому неудивительно, что «Πολιορκητικῆς» Аполлодора носит такой скучный характер изложения ремесленника, который пишет практическое руководство для римских легионеров, впервые приступавших к полиоркии, или наставляет их самыми необходимыми сведениями, как брать укрепления противника. Р. Шнейдер, опубликовавший после Вешера текст Аполлодора с переводом, в своих кратких замечаниях говорит, что задачей этого автора в его полиоркетике было «добросовестно выполнить данный ему наказ и только» (см. «Abhandlungen d. Königl. Gesellschaft d. Wissenschaft zu Göttingen». Philologisch-historische Klasse. Neue Folge. B. XII, 1909—1912). Это мнение Шнейдера подтверждает другой автор по полиоркетике—Аноним Византийский, который является парафрастом Аполлодора и жил намного позднее Аполлодора. Этот парафраст прямо говорит в начале своей полиоркетики, что Аполлодор трактат свой представил как некий свод сведений императору Адриану. Это является весьма важным свидетельством еще и потому, что сам Аполлодор не называет в своем трактате имени императора. На это обстоятельство обратил внимание еще первый серьезный исследователь греческих полиоркетиков Вешер в своей «La poliorcétique des grecs» (Paris, 1867).

Большое значение для понимания и изучения текста Аполлодора, как и других публикуемых полиоркетиков, имеют иллюстрации различных описываемых этими авторами механизмов. Иллюстрации эти, несомненно, более позднего происхождения. При переписке рукописей Аполлодора в тексте давались изображения описываемых предметов. Трудно, конечно, по этим изображениям произвести восстановление оригинальных рисунков, однако даже в поздней передаче эти рисунки имеют определенное значение, поскольку в них отражена определенная античная традиция.

Вопрос об иллюстрациях к Аполлодору (в тексте его рукописи) и к другим авторам полиоркетик вырос в науке в самостоятельную проблему. Вопросу об этих рукописных иллюстрациях к текстам полиоркетик немало места уделяли в своих работах три видных ученых, работавших в этом направлении: К. Вешер, в указанной выше работе; Р. Шнейдер в ряде работ и особенно в «Geschütze auf handschriftlichen Bildern» (Metz, 1907), «Geschichte der antiken Reliefs» («Jahrbuch d. Gesellschaft für lotaringische Geschichte», В. XVII, стр. 284), «Die antiken Geschütze auf der Saalburg» («Umschau», Frankfurt-am-M., 1905); Э. Шрамм в «Bemerkungen zu d. Rekonstruktion griechisch-römischer Geschütze» («Jahrb. d. Ges. für lotaringische Geschichte», В. XVI, стр. 142, В. XVIII, стр. 276); и, наконец, особняком стоит Закур, который занимался этими иллюстрациями в «Vitruv und d. Poliorketiker» (Berlin, 1925).

Большинство ученых придает большое значение рукописным иллюстрациям в тексте авторов полиоркетик, но после выступления Закура сильно поколеблена была вера в сколько-нибудь приблизительную оригинальность дошедших до нас рисунков. Путем попыток своих собственных инженерно-технических реконструкций при самом внимательном филологическом изучении текста Закур доказывает необычайную вольность этих рисунков и, как правило, несоответствие их с излагаемым авторами текстом.

Таким образом, вопрос об иллюстрациях к публикуемым материалам, а также более общий вопрос о реконструкции греко-римских военных механизмов в современной науке остается открытым.

Из следующих авторов полиоркетики мы должны остановиться на Анониме Византийском. Здесь мы в изложении вопроса и характеристике авторов несколько отходим от хронологической последовательности, но это необходимо сделать по целому ряду соображений.

Характер произведения, источники, использованные в трактате Анонима Византийского,—все это очень запутывает вопрос о датировке автора и его *Παραγγέλματα πολιρκητικῶν*. Сложный вопрос об отнесении автора к определенному времени решался главным образом на том основании, что произведение Анонима Византийского целиком почти покоится на тексте Аполлодора, парафрастом которого таким образом и оказывается Аноним. Это—во-первых. Из этого таким образом следует, что этот парафраст создавал свое произведение после II в. н. э. Во-вторых, Аноним называет ряд и других авторов полиоркетик, в основном дошедших до нас и написанных позднее Аполлодора. Наконец, характер текста и иллюстраций в рукописях—все это заставило Р. Шнейдера отнести Анонима к первой половине X в. н. э. Следует отметить, что сам Р. Шнейдер (см. его замечания к тексту и переводу этого автора в «Abhandlungen d. K. Gesellschaft d. Wissenschaften zu Göttingen». Philologisch-historische Klasse. Neue Folge. В. XI. Berlin, 1909, стр. 84—85) чувствовал допускаемую им натяжку в датировке, когда писал, что в отнесении данного автора к первой половине X в. он руководствуется не столько хронологическими расчетами, сколько тем установленным фактом, что это сочинение определено относится к числу тех книг, которые приказал подготовить для своей энциклопедии Константин VII Порфирородный.

Однако в науке были попытки и другой датировки, не менее проблематичной, в работе Н. Martin («Recherches sur la vie et les ouvrages d'Héron d'Alexandrie»), который под влиянием одного незначительного примечания в рукописях назвал интересующего нас византийского, по Шнейдеру, писателя Героном Младшим и приписал Анониму еще другое сочинение «О геодезии» просто на том основании, что эти сочинения в рукописях перемешаны с парафразом Аполлодора по старинной пагинации рукописных листов. Таким образом, по мнению Martin'a, Аноним Византийский выступает перед нами в качестве Герона Младшего, непосредственно шедшего за Героном Старшим (Александрийским). Наука, однако, прошла мимо этой датировки французского исследователя, хотя это вовсе не должно означать того, что и датировка Р. Шнейдера не вызывает сомнений. Выступивший в 1925 г. с новой работой о греческих полиоркетиках и их авторах Закур определенно опровергает датировку Р. Шнейдера и утверждает гораздо более раннее происхождение Анонима Византийского и его

трактата (см. его «Vitruv und die Poliorketiker», стр. 117). К византийской эпохе Закур относит как раз не Анонима, а Афинейя Механика, т. е. другого автора полиоркетики, который будто бы использовал Анонима в своей компиляции. Такое решение вопроса равносильно построению уравнения сразу с двумя неизвестными, ибо наряду с одним неизвестным—вопросом об Анониме—влетает еще другое неизвестное—весьма темный вопрос об Афинее, который у Закура имеет самодовлеющее значение. Об этом речь будет ниже в связи с характеристикой третьего нашего автора—Афинейя—и его трактата о военных машинах.

Здесь уместно будет заметить, что для предлагаемого Закуром решения вопроса об Анониме, об его более раннем происхождении, очень мало имеется научных оснований. Одно совпадение некоторых мест у Анонима и Афинейя еще не может являться основанием к отнесению первого к более раннему времени, чем жил второй. Как раз наоборот, данные совпадения (их, правда, около 17) могут скорее говорить о том, что Аноним Византийский имел под руками текст Афинейя. Эта вероятность еще более подтверждается тем, что Аноним называет в числе источников ряд таких, о которых нет ни слова у Афинейя. Источники у того и другого автора полиоркетик были, очевидно, различные. Далее, у Анонима в числе авторов, не имеющих практического значения, упоминается еще Филолай, который, как теоретик, фигурирует и у Витрувия, а затем и совсем почти не имеющие никакого отношения к технике риторики и грамматики—Аристофан, Исократ, Аполлоний и др. При сопоставлении же Анонима и Афинейя видно, что у последнего (как еще ниже мы увидим) фигурируют имена таких авторов, которые писали по механике, технике и труды которых едва ли дошли до Анонима. Во всяком случае Аноним их не называет, ему они не известны. Афинейя же ими оперирует, он их знает, в особенности же широко использует Витрувия, ближе стоит к этим ранним писателям и, несомненно, сам писал раньше, чем Аноним Византийский. Такова в общих чертах точка зрения о взаимозависимости между Анонимом и Афинеем, нашедшая свое выражение главным образом у Р. Шнейдера.

При изучении текста полиоркетики Анонима обращают на себя внимание восемь групп вопросов, затрагиваемых у этого автора: тут даются описания защитных средств от скатываемых со стен различных предметов; указываются черепахи для продлабления стен; специально описываются стенные буравы; таранные черепахи выделяются также в особую группу; отдельное место занимают так наз. наблюдательные лестницы; выделяются башни; обыкновенные лестницы описываются также отдельно; наконец, особо идет речь о пловучих мостах. Эти восемь групп вопросов нам пришлось выделить не только с целью дифференциации описываемых Анонимом различных механических приспособлений, но также и с точки зрения установления повторения того материала, который имеется у Аполлодора. Именно вся эта группа восьми предметов целиком почти переписана Анонимом у Аполлодора. Таким образом, сочинение Аполлодора во всех своих частях излагается у Анонима, и если обратиться, как это еще сделал Р. Шнейдер, к сопоставлению отдельных повторений у того и другого автора, то их окажется 29.

Но было бы неправильно на этом основании полиоркетик у Анонима сводить только к парафразу Аполлодора. Более обстоятельное изучение текста и содержания этой полиоркетики заставляет нас прийти к выводу об этом произведении, как о более сложной компиляции.

Аноним весьма широко использовал также полиоркетик у Афинейя (о котором говорилось выше и будет специально речь ниже), причем Шнейдер устанавливает 17 мест, свидетельствующих о заимствованиях Анонима у этого автора. Столь же широко в этой компиляции был использован и Филон, автор «Syntaxis liber» (книги 5-й), о чем говорит повторение Филона в 16 местах у Анонима. В гораздо меньшей степени использован Герон (Βελλοπικιστής) и Битон (Κατασκευαὶ πολιορκικῶν καὶ κλιμακικῶν). Все это говорит за то, что в руках Анонима была большая техническая литература, которая была использована весьма тщательным образом. В известной мере ценность как раз этого произведения по полиоркетике и определяется собранным Анонимом материалом, его весьма тщательным изложением конструкций военных механизмов,

в результате чего вся полиоркия античности как бы оживает перед нашими глазами. Тесная же зависимость этого автора от Аполлодора по существу содержания их произведений не позволяет их разрывать при изучении полиоркии, хотя совершенно очевидно, что между этими авторами имеется весьма достаточная дистанция во времени. Самый же вопрос о датировке имеет относительное значение, и если может быть, датировка Р. Шнейдера и является еще спорной, то, как мы старались показать, помещение Анонима после Афинейя, а не до него, несомненно, следует признать более правильным. В этом отношении более правым остается все же Р. Шнейдер, а не Закур. Историк военного искусства в древности пойдет за Шнейдером и в части оценки дошедших в рукописи Анонима иллюстраций, ибо, как ни были эти иллюстрации модернизированы переписчиками в византийскую эпоху, они, несомненно, во-первых, относятся непосредственно к тексту этого автора, и, во-вторых, в этих иллюстрациях при внимательном их изучении и сопоставлении с изображениями военных механизмов, как они выступают по античным рельефам, можно установить передаваемую этими иллюстрациями античную традицию.

Переходим теперь к третьему публикуемому автору полиоркетики—Афинейю Механику.

Как выше было замечено, с Афинеем столь же сложно, как и с Анонимом, обстоит дело по части его датировки. В научной литературе этот вопрос получил даже более широкое изучение. Вплоть до последнего времени, когда выступил Закур, предложивший нам снова «Афинеев вопрос» (*Athaeusfrage*) и свое оригинальное решение этого вопроса, дискуссию нельзя считать оконченной.

Первоначально ученые, в особенности историки греческой литературы (см. *Bergk, Griechische Literatur-Geschichte, B. IV, 1887, стр. 528; W. Christ, Geschichte d. griech. Litteratur, 1889, стр. 838; Susemihl, Gesch. d. Alex. Litteratur, B. I, 1891, стр. 733*) вполне единодушно и, как говорит Р. Шнейдер, даже в тех же самых выражениях объявляли Афинейя Механика современником Архимеда. В таком единодушном решении этого вопроса о датировке Афинейя эти ученые исходили из одного и того же источника, именно из утверждения Ламбеция (*Lambecius, Biblioth. Caes. Vindob. VII, ad cod. CXIV*), что Афиней посвятил свое произведение *Περὶ μηχανημάτων* Марцеллу, завоевателю Сиракуз. Для такого утверждения Ламбецию, очевидно, было достаточно прочесть первые строки афинеевой полиоркетики, где говорится об обращении к Марцеллу и адресовании к нему своего произведения. Ламбеций таким образом отгородился от традиционного, до него господствовавшего отнесения Афинейя к III в. н. э. Как известно, еще Исаак Казавбон, на основании свидетельства Требеллия Поллиона об Афинее Византийском, якобы жившем при Галлиене (*Scriptores Histor. Aug., 11, 221*), считал его современником этого императора. И то и другое допущение не приняты наукой, но характерно, что уже на заре изучения классических авторов в датировке Афинейя наметился разрыв на целые 479 лет, если считать время от завоевания Сиракуз (датировка Ламбеция) до смерти императора Галлиена (датировка Казавбона).

Менее всего убедительна, конечно, датировка Ламбеция, которая легко опровергается и была решительно снята двумя видными учеными—И. Швейгхейзером и первым серьезным комментатором и издателем Витрувия И. Г. Шнейдером. После этого дальнейшую положительную разработку этот вопрос получил в работе Н. Диельса (*Ueber das physicalische System des Straton. «Sitz.-Ber. d. k. preuss. Acad. der Wissenschaft» zu Berlin, I, 1893, стр. 101—127*). В своем истолковании Стратона Диельс признал Афинейя инженером приблизительно эпохи Адриана, когда инженерно-техническая мысль Рима была на высоте и получила свое отражение в ряде специальных трактатов. «Хорошо сохранившиеся ионизмы в рукописи Афинейя,—писал Диельс,—совершенно напоминают нам стиль сочинений II в. н. э.». После этой работы считалась уже общепринятой эта новая датировка Афинейя и его полиоркетики. На эту точку зрения встал и Р. Шнейдер, издание текста полиоркетики которого со всеми примечаниями легло в основу нашей публикации в русском переводе. «Время составления полиоркетики Афинейя,—говорит Шнейдер,—нельзя отодвинуть далее II в. после н. э.»

(«Abhandlung», цит. изд., стр. 7.) Так обстояло дело до самого 1925 г., когда выступил упоминавшийся нами Закур с иным решением вопроса о датировке и еще более важным, но связанным с первым, вопросом об источниках и композиции полиоркетике Афиней.

Занимаясь изучением текста в том виде, как он дан в настоящее время в рукописях, Закур отказывается признать в полиоркетике интересующего нас автора единство плана изложения или какую-либо общую, объединяющую точку зрения во всей рукописи. Ни того, ни другого в произведении нет. По мнению Закура, текст произведения распадается на две части. Одна часть почти дословно переписывает полиоркетик Витрувия. В этой части Афиней выступает определенно компилятором Витрувия. Другая же часть очень мало вяжется с первой и представляет собою характер письма, обращенного, как это видно из текста Афиней, к Марцеллу. Изучение титулатуры обращения к Марцеллу у Афиней действительно понуждает сделать вывод, что форма, приведенная у нашего автора, не употреблялась по-гречески, что она является переводом с латинского (греческая форма *σεμνός* более соответствует латинской *sanctissimus* или *sacratissimus*) и что такая латинская титулатура не была в ходу в Римской империи или в Византии. Она скорее может быть отнесена к периоду республики. Закур считает, что ошибка Ламбеция, относившая весь трактат Афиней к эпохе завоевания Сиракуз, пошла на пользу исторической науке. Именно изучение Афиней с этой точки зрения помогло Закуру установить, что в первой-то части своего произведения Афиней, действительно, относится ко времени Марцелла, когда один, очевидно, из военных, а возможно и специально занимавшихся полиоркетикой, написал и посвятил Марцеллу свою докладную записку. Эта часть из трактата Афиней, слабо вяжущаяся с последующей, должна быть, по мнению Закура, выделена и приписана другому автору. Закур называет его «Афинеем Старшим» (см. Vitruv., стр. 115—120).

Что касается части другой, где главным образом излагается Витрувий, то она принадлежит перу значительно более позднего автора, которого автор называет «Афинеем Младшим» — компилятором полиоркетики на основании ряда источников и в том числе, по мысли Закура, и Анонима Византийского. В этом последнем пункте (об Анониме) Закур, несомненно, допускает ошибку в своей в общем довольно остроумной и правильной теории. Текст Афиней, действительно, может быть рассечен. Правильно, как уже отмечалось выше, и приближение Анонима к эпохе Аполлодора, но почему на этом основании «Афиней Младшего», доведшего до нас трактат *Περὶ μηχανικῶν*, надо относить непременно к источникам Афиней и таким образом последнего помещать чуть ли не в византийскую эпоху, где раньше стоял Аноним, — это не ясно, не убедительно, и наука этого не принимает.

В характеристике содержания полиоркетики Афиней необходимо отметить, что военные механизмы, описываемые способы их конструкции, самый перечень механизмов сделаны по Витрувию. Это, однако, вовсе не означает, что Афиней имел в руках самого Витрувия. Вероятнее всего, был какой-то первоисточник, который лежал в основе у обоих наших авторов. Так например, Зонтхеймер (Sonthheimer, Vitruvius und seine Zeit. Diss. Tübingen, 1908) полагает, что в руках Витрувия и Афиней находился трактат архитектора Агесистрата, который существовал в двойной обработке: ранняя была использована Витрувием, а поздняя относится к эпохе Адриана, когда ее мог использовать Афиней. Как бы ни решался этот вопрос об источниках, совершенно очевидно большое совпадение (их свыше 13 по подсчету Шнейдера) текста обоих авторов, и наукой это обстоятельство было использовано для критического установления многих спорных, трудно читаемых, а иногда и просто лишенных смысла мест в рукописных изданиях этих авторов. С другой стороны, справедливость требует указать и увлечения в такой критической обработке текста. Известно, что Шуази в своем издании текста (и перевода) Витрувия, исходя из субъективных соображений и приложения современных технических расчетов к античным условиям, позволил себе произвольно исправлять текст Витрувия по Афинее. Такое решительное исправление текстов того и другого автора, их полная унификация могли бы быть проведены

лишь в том случае, если бы предварительно удалось доказать оставшуюся в одиночестве теорию Крона (изд. текста Витрувия, Teubner, 1912), что «полиоркетика Афиней принадлежит самому Витрувию, который преподнес этот трактат Марцеллу, мужу Октавии, сестры Цезаря (De architectura lib. decem. Praefatio).

В заключение особо приходится сказать об иллюстрациях к тексту Афиней, дошедших до нас также в рукописи полиоркетики этого автора. Как и в отношении иллюстраций к указанным выше авторам, так и к иллюстрациям афинеева произведения имело место критическое, полное скептицизма отношение. Так например, Тиль прямо заявлял, что «рисунки, помещенные в издании Вешера из рукописей, совсем ничего не стоят и не принадлежат автору полиоркетики, но гораздо позже исполнены кем-то по контексту, притом совсем непонятному». Однако благодаря солидной работе Р. Шнейдера («Geschütze auf handschriftlichen Bildern». Metz, 1907) удалось доказать исключительное значение этих иллюстраций не только для понимания полиоркетики Афиней, но и Витрувия, который, как известно, в своем тексте ссылается на не дошедшие до нас рисунки. Таким образом, для конкретного изучения текста, его содержания, источников произведений по древней полиоркетике, а отсюда и для изучения искусства осады городов как в целом, так и отдельных моментов его, связанных с изучением военных механизмов, их конструкций, различных типов, учет всех иллюстраций, рисунков, позднейших реконструкций механических приспособлений не может быть недооценен. Историческая наука, несомненно, должна мобилизовать все прямые и косвенные материалы, которые в какой-либо степени могут высветить нам некоторые темные вопросы истории военного дела в древности.

Публикуемые в настоящем номере полиоркетики взяты из издания их текста, перевода, иллюстраций Р. Шнейдером в «Abhandlungen d. K. Gesellschaft d. Wissenschaft» zu Göttingen (Philologisch-historische Klasse. Neue Folge. B. IX—XII, Berlin, 1909—1912). Шнейдер прекрасно изучил сделанную до него публикацию автором полиоркетик Вешером («La poliorcétique des grecs. Paris, 1867»), исправил ее недочеты и дал ряд новых исправлений в текст Аполлодора, Афиней и Анонима Византийского.

Советская историческая наука сумеет использовать в своей разработке искусства осады городов в древности публикуемые журналом материалы, которые в некотором отношении являются уже продолжением того, что читателю было предложено в № 1 (трактат Вегеция).

Перевод Аполлодора, Афиней и Анонима с греческого сделан М. Н. Страховым. В редактировании перевода принимали участие С. П. Кондратьев и А. В. Мишулин.

Все иллюстрации к тексту полиоркетик даются в уменьшенном размере с сохранением порядка рисунков, данного Шнейдером, и в соответствии с указанием их в тексте авторов.

Проф. А. Мишулин

